

Посвящается Перу, Юханне и Саре

Содержание

Пролог	9
ЧАСТЬ I	
Человек-загадка	17
Глава 1. «Полагаться лишь на самого себя...»	21
Глава 2. Как чужак — всегда в стороне	40
Глава 3. На распутье между романтикой и просвещением	59
Глава 4. «Я имел беседу с царем об испытаниях Нобеля»	86
Глава 5. В поисках высшего смысла	110
ЧАСТЬ II	
Тайные мечты	141
Глава 6. Долгое прощание с Россией	145
Глава 7. Бунт против отца	165
Глава 8. Нобелевский гром	185
Глава 9. «Взрывы гремят на каждом углу»	209
Глава 10. Кошмар в Нью-Йорке	235
Глава 11. Новое взрывчатое вещество на подходе	252

ЧАСТЬ III

На заре медицины 273

Глава 12. «Потребность в динамите растет» 277

Глава 13. «Боже, благослови Альфреда доброй женой!» 296

Глава 14. Радость творчества, влюбленность и прорыв в медицине 320

Глава 15. Размолвки с братьями, сердечные страдания и мечты о мире 347

Глава 16. «Главный недостаток — отсутствие семьи» 383

ЧАСТЬ IV

Бесконечная миссия науки 407

Глава 17. Триумф просвещения 412

Глава 18. Личное дело № 326 в тайной полиции: Альфред Нобель 429

Глава 19. «Долой оружие!» 445

Глава 20. «Благодетель человечества» тоскует по дому 478

Глава 21. Скандал вокруг патента, воздушный шар
и последнее завещание 502

ЧАСТЬ V

Все внимание Норвегии — и делу мира 529

Глава 22. «Великое признание» 534

Глава 23. «Битва за миллионы» 551

Глава 24. «Взгляды всего мира прикованы к Швеции и Норвегии» 572

Эпилог. Больше века спустя 579

Что произошло потом? 582

Благодарности автора 585

Примечания 588

Источники и библиография 667

Источники иллюстраций 685

Генеалогическое древо 687

Пролог

Утром 10 декабря 1896 года в Швецию приходит телеграмма. В ночь с четверга на пятницу, точнее, около двух часов ночи Альфред Нобель скоропостижно скончался в возрасте 63 лет на своей вилле в итальянском городе Сан-Ремо. В тот же день Aftonbladet успевает опубликовать эту новость. «Каждый образованный швед оплакивает утрату одного из своих величайших соотечественников», — пишет газета, обходя, однако, вопрос, который вскоре будет у всех на устах.

Кому достанутся несметные богатства?

Уже на следующий день газетные полосы пестрят догадками, которые проскакивают, словно искры жадности, между строк в память об усопшем. Состояние оценивается как «по нашим меркам колоссальное». Одни ежегодные проценты с капитала составляют миллионы.

Журналисты быстро подсчитывают. Знаменитый изобретатель Альфред Нобель был холост и бездетен. Его знаменитых братьев — Роберта и Людвиг — уже нет в живых. Некоторые писаки, нимало не стеснясь, распространяют новость о том, что «баснословное» наследство будет поделено между детьми Роберта и Людвиг. Однако Саломон Август Андре немедленно заявляет, что Альфред Нобель успел пообещать ему 26 000 крон на новую попытку достигнуть Северного полюса на воздушном шаре. Из них, как подчеркивает Андре, пока выплачено только 10 000.

Племянников, о которых идет речь, четырнадцать. Старшие — сын Людвиг Эмануэль и сын Роберта Яльмар — еще 8 декабря спешно выехали

в Италию, едва прослышав о внезапном инсульте дядюшки. Эмануэлю 37, он живет в Санкт-Петербурге. Из всех племянников у него самые близкие отношения с Альфредом. 33-летний Яльмар тоже довольно часто общался с дядей. О дядюшкиной щедрости оба знают не понаслышке. Не далее как в ноябре Эмануэль пытался найти Альфреду хорошего специалиста по лечебной физкультуре, чтобы улучшить кровообращение и справиться с болями в сердце.

К сожалению, ни один из кузенов не поспевает вовремя. Опоздал и сотрудник Альфреда Нобеля, 26-летний Рагнар Сульман, который также срочно выехал на юг, едва получив тревожное послание.

Только во второй половине дня 10 декабря все трое собираются у постели усопшего, охваченные горем и отчаянием, оттого что Альфред Нобель закончил свои дни так же, как и жил.

В одиночестве.

* * *

Завещание хранится в Стокгольмском Частном банке. Бумагу Альфред Нобель подписал в присутствии свидетелей почти день в день годом ранее, в конце ноября 1895-го. О существовании завещания племянники не подозревают.

Во вторник 15 декабря в конторе банка на Лилла-Нюгата в Старом городе сломана печать, скреплявшая бумагу. Избранные пассажи отсылают телеграфом Эмануэлю и Яльмару в Сан-Ремо, и поздно вечером оба стучат в дверь Рагнара Сульмана, чтобы передать ему то небольшое, что им пока известно о последней воле дядюшки: Альфред пожелал, чтобы ему после смерти вскрыли вены, и назначил Рагнара одним из двух своих душеприказчиков.

Все они в полной растерянности. Среди бумаг на итальянской вилле они обнаружили другое завещание, подписанное в 1893 году. Судя по всему, оно больше не действительно. Так в чем же суть изменений?

К концу недели почта доставляет в Сан-Ремо копию завещания. Племянники впадают в уныние. Их доля наследства существенно уменьшилась. Теперь дядюшка завещал родне лишь малую долю своего состояния. В завещании черным по белому прописано, что все акции и всю недвижимость Альфреда Нобеля надлежит продать, а образовавшийся капитал поместить в специально созданный фонд. Последняя воля Альфреда: проценты от этих средств каждый год вручать в качестве премии «тем, кто за минувший год принес человечеству наибольшую пользу»,

вне зависимости от того, в какой стране мира они проживают. Как бы ни были дороги Альфреду племянники, этому критерию ни один из них не соответствует.

Кузены не до конца понимают, как именно дядюшка собирался перевести деньги. Зато Альфред предельно точно указал, какие премии он желает учредить: одна по химии, одна по физике, одна по физиологии или медицине, одна по литературе и еще одна — тому, кто «действовал больше или лучше всех ради братства народов, роспуска или сокращения численности существующих армий или организации мирных конгрессов»^{*}.

Стало быть, премия мира. В смысле — за мир во всем мире. В то время как между ближайшими родственниками вот-вот разразится настоящая война.

Позднее, во время битвы за наследство, продолжавшейся долгих четыре года, сам король Оскар вмешается и будет отпускать саркастические замечания по поводу завещания Нобеля, заявляя, что старик позволил «фанатикам дела мира, в особенности женского пола, задурить себе голову». Пресса будет завывать о недостаточной любви к своей стране, а будущий премьер министр Яльмар Брантинг назовет решение Нобеля «чудовищной ошибкой».

Четырнадцать весьма озабоченным племянникам предстоит долгий и мучительный путь. Что будет с нефтяной компанией, принадлежащей семейству, если из нее выведут большую часть акций? Что произойдет со всеми Нобелями и их семьями?

Неделю спустя их остается тринадцать. Самая младшая сестра Яльмара, 23-летняя Тира, всего за несколько месяцев до того потерявшая любимого отца Роберта, находится на семейном хуторе Йето неподалеку от Норрчёпинга. В понедельник утром она жалуется на плохое самочувствие. Несколько часов спустя, когда все заняты в кухне приготовлением рождественского печенья, Тира внезапно падает на пол и умирает.

В газетах пишут, что причиной смерти, скорее всего, стал разрыв сердца.

* * *

В роскошной вилле Альфреда Нобеля в Сан-Ремо с величественным видом на Средиземное море отслужили простую заупокойную мессу.

^{*} Премия Шведского Государственного банка в области экономической науки, названная в честь Альфреда Нобеля, была учреждена только в 1968 г. и впервые вручена в 1969-м. — *Прим. автора.*

Затем приехавшие в Сан-Ремо близкие и несколько видных лиц города сопровождают его прах к железнодорожному вокзалу. Вдоль улиц собирается толпа зевак. Во главе процессии идет городской оркестр, который играет Траурный марш Шопена, когда дубовый гроб снимают с катафалка и вносят в вагон. За ним следует целая гора венков. На некоторых — ленты в цветах флагов тех стран, где работают компании по производству динамита: итальянский, испанский, шотландский, шведский и конечно же французский триколор.

Прах отправляется напрямик в Швецию. Все документы, облегчающие прохождение государственных границ, уже собраны. Среди моря цветов, заполнивших вагон, мелькают нежные прощальные слова близких и друзей, выделяется красивая композиция, заказанная инженером Андре: «Спасибо и прощай! От членов полярной экспедиции».

За те пять дней, пока гроб пересекает всю Европу, в редакции газет несутся потоки воспоминаний. Кто-то вспоминает колоссальную жажду к работе, отличавшую Альфреда Нобеля, кто-то — его презрение к роскоши, скромность в одежде и терпеливое отношение к нищим. Шведско-норвежский клуб в Париже пишет, что его высказывания бывали порой суровы, особенно когда он подозревал кого-то в лицемерии, но за этими словами всегда крылась большая любовь к людям. Как сказал чуть позже один из молодых изобретателей, которого Альфред поддерживал: «С большой грустью я думаю о том, как много он стремился отдать и как мало получил взамен».

Позднее британский коллега Нобеля напишет о своем усопшем друге размышление на 14 страницах. Он расскажет об интенсивности их общения и о непредсказуемых, но весьма остроумных дискуссиях. Он напишет также о том, как Нобель бросался порой из одной области науки в другую, как бы далеки они ни были, как легко переходил с одного языка на другой. Британец опишет его как большого оригинала — нервного, всегда настороже и исключительно чувствительного по своей натуре. Вместе с тем «он был наделен безграничной энергией и беспрецедентным упорством; не боялся опасностей и никогда не отступал перед трудностями. <... > Импульсивный характер в сочетании с ранимостью и застенчивостью — самые яркие черты, отличавшие его личность. <... > Маленькие светлые глаза, затемненные тяжелыми бровями, были полны выразительности и горели незаурядным умом».

Он напишет также, что в значительной мере именно отец, Иммануил, направил сына по верному пути.

В эти дни многие пишут о том невероятном пути, который проделала семья Нобель с тех пор, как Иммануил^{*} Нобель — «один из самых выдающихся инженеров того времени» — прокладывал себе дорогу в Стокгольме в начале века. Утверждается, что Альфреду и его братьям удалось довести до конца то великое начинание, которое задумал Иммануил Нобель, так и не увидев его воплощения.

Утром 22 декабря 1896 года вагон медленно катится по заснеженной столице. Паровоз тормозит под двускатной крышей Стокгольмского Центрального вокзала, где грузовые помещения до потолка заполнены прибывающими и убывающими рождественскими подарками, — это рекордное количество со дня открытия железной дороги.

Звенят колокольчики. Фыркают лошади. Альфред Нобель вернулся домой.

---

^{*} По-шведски — Immanuel, в российской традиции — Эммануил или Иммануил. — *Прим. ред.*

ЧАСТЬ I

*«Все это я хранил в своих мечтах.
Они рассеялись...»*

Альфред Нобель, около 1860 г.

Человек-загадка

Долгое время образ Альфреда Нобеля и история его жизни подвергались жесткой ретуши. Важные периоды оставались белыми пятнами, значительные события и люди замалчивались, не говоря уже о неподобающих проявлениях чувств. Каждый, кто берется за такую непростую тему, должен сформулировать свое отношение к этой горькой истине.

Учредитель Нобелевской премии оставил после себя горы писем и важных документов, но в первые 50 лет после его смерти вышла одна-единственная книга, основанная на этом обширнейшем материале, — «Юбилейные заметки». Она была издана Нобелевским фондом в 1926 году без указаний на источники и имен авторов. Книга написана председателем фонда Хенриком Шуком и его основателем Рагнарсом Сульманом.

Шук и Сульман подошли к задаче со всей серьезностью и основательно перелопатили архив, однако целенаправленно удалили все, что могло запятнать светлый образ великого мецената. Они руководствовались самыми благими намерениями, такое было время. Но в результате закрепилось выхолощенное представление о личности Альфреда Нобеля. Для большей надежности решено было закрыть доступ к архивам для независимых исследователей.

Перед следующим юбилеем Нобелевской премии Рагнар Сульман уже и сам находил это замалчивание нелепым. Собравшись с мужеством, он нарушил негласный уговор. В 1948 году, незадолго до своей смерти Сульман написал книгу «Завещание», где впервые рассказал об отношениях Аль-

фреда Нобеля с женщиной, которая была моложе его на восемнадцать лет. Книга увидела свет в 1950 году.

Назрел вопрос о новом издании юбилейной книги 1926 года. Особенно удивлялись иностранные издательства — где же все многочисленные труды, посвященные всемирно известному покровителю наук? В 1954 году директор Нобелевского фонда Нильс Столе подписал контракт с американским журналистом шведского происхождения Наботом Хедином, который взялся написать новый труд о Нобеле — на этот раз на английском языке. Издание планировалось столь масштабным, что тогдашний премьер-министр Великобритании и нобелевский лауреат Уинстон Черчилль согласился написать предисловие. Черчилль не подвел. «Готовящееся к печати новое издание биографии Нобеля на английском языке можно смело назвать грандиозным и многообещающим», — написал он в 1957 году в рукописи задуманного предисловия. «Величественный замысел» Альфреда Нобеля — Нобелевская премия, по словам Черчилля, стала «символом успешного стремления в разных областях знания и остается живым свидетельством того, какое выдающееся место скандинавские народы занимали в борьбе всего цивилизованного человечества за то, чтобы сделать мир лучше».

Однако и на этот раз допускать посторонних в архив не спешили. Вместо этого директор Нобелевского фонда обратился к своему шуруину Эрику Бергенгрену с просьбой взять дело в свои руки. Трио работало в течение трех лет. Бергенгрен проводил изыскания в архиве, Хедин писал, потом Бергенгрен вычитывал рукопись, проверяя достоверность фактов, а затем Столе подвергал ее цензуре.

Результат этих творческих мук существует и по сей день — в виде шестнадцати непримечательных черных папок. После небольшого журналистского расследования мне удастся обнаружить их в подвале Нобелевского фонда. Разумеется, я просматриваю их со всей тщательностью. Профессионализм Эрика Бергенгрена вызывает всяческое восхищение. Похоже, он перепахал весь архив, хранившийся на полках общей длиной четырнадцать метров. Однако жесткий фильтр, через который был пропущен текст, очевиден. Местами цензура пятидесятих выглядит даже забавно.

Например, в январе 1858 года Столе не понравилось, что Набот Хедин приводит цитату, где Альфред Нобель называет себя социал-демократом. Американские читатели «могут получить совершенно искаженное представление об Альфреде Нобеле. Они могут подумать, что он был коммунистом. Социал-демократы стремятся... национализировать

средства производства. Представляется, мягко говоря, маловероятным, чтобы Альфред Нобель желал того же», — писал Столе, по всей видимости не отдавая себе отчет в том, что именно этот факт уже был обнаружен в первой биографии Нобеля, изданной Нобелевским фондом в 1926 году.

Не раз и не два шведско-американскому автору книги указывали на то, что никакие размышления по поводу личности Альфреда Нобеля, его интеллектуальной и эмоциональной жизни в новой книге фигурировать не должны. Еще не пришло время для фривольных наблюдений, выходявших из-под пера самого Альфреда Нобеля. Эрик Бергенгрэн не без удовольствия приводит найденное им письмо, в котором Альфред замечает, что отдает предпочтение одаренным женщинам. «Интерес мозга важнее интереса члена. Аминь!» — писал Альфред Нобель. Бергенгрэн счел, что такую скабрёзность никак нельзя цитировать. Не пожелал он публиковать и характеристику, которую Альфред дал безупречному коммерсанту: «Дева Мария до... но не после».

Все это могло запятнать безукоризненный портрет мецената. «Ибо в первую очередь следует показать, что он был абсолютно неподкупным благородным джентльменом, чуждым зависти и карьеризма. Редкой души человек, прекрасный умом, сердцем и характером», — рассуждал Бергенгрэн. Словно Альфреду Нобелю не позволено быть обычным человеком из плоти и крови.

За пять лет работы Наботу Хедину удалось написать 25 глав. Но его постиг тяжкий удар. Американское издательство забракowało его труд. Книгу сочли слишком скучной и сухой. Директор Столе попросил своего шурина сократить объем рукописи до небольшой «просветительской брошюры». Эрик Бергенгрэн был потрясен: пять лет самоотверженного труда в архивах насмарку. Однако он послушно написал краткую обзорную биографию, которая была опубликована в 1960 году (снова без ссылок на источники), став второй шведской эталонной работой об Альфреде Нобеле.

Большая часть написанного с тех пор о жизни Альфреда Нобеля в основном почерпнуто из этих двух книг, а не из первоисточников. И все это несмотря на то, что Нобелевский фонд еще несколько десятилетий назад отказался от цензуры и открыл архивы Альфреда Нобеля, не требуя отчета и согласования текстов, написанных на их основе.

С тех пор как архивы были оцифрованы, задача исследователя перестала быть невыполнимой. Моя цель — создать первую объективную биографию Альфреда Нобеля, а также написать историю Нобелевских премий, используя первичные источники и ссылаясь на них. К тому же мне трудно

устоять перед искушением — так хотелось порыться в архивах стран, где жил Нобель.

Одно я знаю точно. Мой рассказ должен начаться с Иммануила Нобеля и драмы, случившейся в год рождения его сына Альфреда и во многом предопределившей ход событий.

Здесь предостаточно белых пятен, которые мне предстоит заполнить.

Глава 1

«Полагаться лишь на самого себя...»

Имя Иммануил означает «С нами Бог», но вряд ли именно так инженер-строитель Иммануил Нобель, тридцати одного года от роду, воспринимал свою жизнь перед полным драматизма кануном нового, 1833 года, да и впоследствии.

Еще подростком, плавая юнгой в Средиземном море, отец Альфреда Нобеля начал сомневаться в целесообразности выстраивать свою жизнь в соответствии с «так называемыми святыми книгами». Неужели человек живет только ради вечной жизни, обещанной ему после смерти? Творение Господне, удивительная природа, окружает его в каждый момент жизни и буквально просит, чтобы ее использовали во благо прогресса.

А еще лицемерие. Иммануил помнил, как в бытность свою юнгой наблюдал пьяных католических монахов, развлекавшихся в борделях портовых городов. В такие минуты он испытывал то же отвращение, как и тогда, когда ему приходилось отмывать палубу после пьяных оргий тупых шведских моряков. Ему было всего шестнадцать, но именно тогда он сформулировал свой жизненный девиз:

«Полагаться лишь на самого себя, а не на других»¹.

Перед наступлением нового, 1833 года такому отношению к жизни предстояло вынести суровые испытания. К тому моменту Иммануила уже знали в Стокгольме как строителя, архитектора и механика. Он снимал обветшалый кирпичный дом на острове Лонгхольмен недалеко от Стокгольма. Там он жил вместе с женой Андриеттой двадцати девяти

лет от роду и двумя сыновьями, трехлетним Робертом и полуторагодовалым Людвигом.

За четыре года семейной жизни Иммануил и Андриетта Нобель, не раз переезжавшие, успели понять, что в жизни есть свои взлеты и падения, и привыкли к тому, что постройки Иммануила порой делали его знаменитым и вызывали восхищение, а порой заканчивались скандалом. Однако незадолго до Рождества стало ясно: уходящий год станет самым тяжелым в жизни семьи с тех пор, как в 1829 году умер их старший сын Эмануэль, проживший всего год.

В марте 1832 года Иммануил был вынужден передать право пользования участком на Лонгхольмене бургомистру в качестве гарантии по займу. Долги все росли, и незадолго до Рождества несколько клиентов и работников, объединившись, потребовали объявить Иммануила Нобеля банкротом. Они призывали служителей закона арестовать Нобеля, поскольку ходили слухи, что он уехал из города и скрывается от кредиторов на другом острове в озере Меларен.

В последний момент Иммануилу удалось получить отсрочку. Он надеялся, что ему разрешат погасить задолженность частями. Но 5 января 1833 года все сроки истекали².

И ранее случалось, что невзгоды сбивали Иммануила Нобеля с ног, но он всегда поднимался за счет своей трудоспособности, недюжинной изобретательности и неустанного стремления обеспечить достойное существование увеличивающейся семье. Жизнь на труднодоступном острове Лонгхольмен стала ярким примером. Тремя годами ранее Нобель получил от одной новоиспеченной вдовы права на аренду земли и кирпичный дом. Едва просохли подписи на документе, как он обратился к властям с просьбой продлить срок контракта еще на сорок лет. За это он обещал построить красивый двухэтажный дом с балконами и витыми колоннами, который по истечении сорокалетнего срока аренды достанется городу бесплатно. К ходатайству Нобель приложил подробные цветные чертежи. Власти ответили положительно. Место это, как было сказано, все равно не представляло для города никакого интереса³.

В канун нового, 1832 года роскошная вилла из десяти комнат была почти готова, однако теперь отягощенный долгами Иммануил не мог туда вселиться. Семья осталась жить в старом обветшалом домишке. Прискорбно, поскольку уже в первые недели нового года выяснилось, что Андриетта снова беременна.

Сыну дадут имя Альфред. Из всех сыновей Иммануила он унаследует больше всего отцовских качеств: фантазию, тягу к изобретательству, энер-

гию и презрение к официальной власти, темперамент, восприимчивость и умение преуспеть в жизни, не имея ни формального образования, ни подобающего уважения к церкви.

Веру в самого себя, если кратко.

Наследственность проявилась так явно, что многие утверждали: невозможно понять Альфреда Нобеля, не познакомившись сначала с Иммануилом.

* * *

В те времена Лонгхольмен представлял собой голый каменистый остров со скудной растительностью. Он располагался на отшибе от городской застройки Стокгольма. Изоляции островитян способствовало и то, что по другую сторону моста, возле Хеленеборга и Шиннарвикена, стеной стояли скалы.

Остров во многих отношениях идеально подходил для тюрьмы, а не для проживания семьи с маленькими детьми. Всего в нескольких шагах от кирпичного дома Нобелей в Кнаперстаде находилось Южное исправительное учреждение, где отбывали наказание более 900 человек, вырубавших камни. Из их числа Иммануил Нобель не раз набирал строителей — с переменным успехом. Однажды заключенный, за которого Нобель поручился, сбежал и был задержан после того, как украл нож для резки табака из кабака Кайсы Берггрен на Уксторгсгатан.

Случалось, что мимо Лонгхольмена проплывали пароходы — по пути из порта или в порт на острове Риддархольмен. В остальном же с транспортом здесь дело обстояло плохо, по крайней мере для тех, кто не мог позволить себе нанять извозчика и трястись по булыжной мостовой в неудобной пролетке. У Иммануила была лодка, а вот лошадей к тому моменту, судя по всему, уже не имелось. Чтобы добраться до площади Стурторгет или площади Густава Адольфа, где бурлила жизнь города, ему приходилось идти пешком до мостов у Шлюза или пользоваться услугами так называемых женских лодок у набережной Сёдер-Мелар-странд.

Последнее имело свои минусы. Лодчицы были известны своей грубостью и сквернословием. Кроме того, они причаливали у омерзительного «мушиного пира» (рядом с мостом Мункбрун), куда горожане сбрасывали мусор и нечистоты. Самого Иммануила Нобеля однажды приговорили к штрафу в размере трех риксдалеров и шестнадцати шиллингов за то, что он вывалил у «мушиного пира» кучу «всяческого хлама».

Свое название это место получило из-за «миллионов огромных синезеленых с желтым оттенком мух», от которых большую часть года воздух в этом месте казался черным. С наступлением осени случалось, что под мостом в кучах отбросов и лошадиного навоза прятались бездомные, спасавшиеся от ночного холода.

Еще одной важной социальной проблемой были человеческие экскременты. По улицам Стокгольма бродили парами «золотарки», носившие на шестах между собой полные ночные горшки, направляясь к местам сброса, которые нередко находились рядом с водяными насосами. По дороге они проливали свой ценный груз, поскольку им требовалось опрокинуть с утра парочку стаканчиков, чтобы вынести такую работу. Неудивительно, что в начале XX века Стокгольм считался одним из самых грязных и опасных для здоровья городов Европы. Однако связь между вонючими нечистотами и количеством смертей далеко не всем казалась очевидной. Власти утверждали, что рекордная смертность в Стокгольме объясняется «неумеренным потреблением водки».

Зимой Стокгольм к тому же превращался в один из самых темных городов Европы. С сентября по март город оказывался в полной зависимости от масляных фонарей. После нескольких разрушительных пожаров правила ужесточились. Теперь, чтобы следить за освещением, владельцы домов нанимали специальных фонарщиков. Около полуночи все уличные фонари предписывалось гасить. После этого часа никто не мог передвигаться по Стокгольму без фонаря с горящей в нем сальной свечой.

В понедельник 31 декабря 1932 года многие достали свои фонари в предвкушении вечерних увеселений. В популярном тогда особняке Кирстейна на Клара-Страндгата был организован бал-маскарад. Объявления в газетах призывали гостей вести себя как «образованное общество». Всех, кто будет вооружен, даже палкой, выставят за дверь, поскольку оружие «не является неотъемлемой частью костюма»⁴.

Иммануил и Андриетта Нобель в особняк Кирстейна в тот вечер не явились. На то имелось множество причин.

* * *

Пожар начался утром в последний день года. Говорили, что треснула труба в кафельной печи, после чего огонь перекинулся на изголовье кровати и разгорелся. Вскоре пламя охватило часть дома Нобелей в Кнаперстаде. Церковные колокола прозвонили два раза, это был сигнал о пожаре в районе Сёдермальм, и весь Стокгольм затаил дыхание. Теперь все зависело

от городских пожарных и прошедшего огонь и воду адъютанта пожарной бригады Фредрика Бэка.

Как раз перед встречей Нового года на Стокгольм внезапно обрушились стужа и довольно сильный юго-восточный ветер. Однако не только погода создала трудности пожарным. Первый пожарный шланг, привезенный с площади Сёдермальмсторгет, оказался никуда не годным, а прибывшая команда была слишком немногочисленной, да вдобавок многие из пожарных уже были изрядно пьяны. Бэку пришлось из своего кармана заплатить извозчикам, чтобы спешно доставить на Лонгхольмен бочки с водой и шланги.

К счастью, семья, проживавшая в доме, находилась где-то в другом месте.

Пожар в доме Нобеля разгорелся так мощно, что вскоре начал угрожать располагавшейся по соседству тюрьме. Заключенных срочно отправили на борьбу с пламенем. Некоторым пришлось изрядно потрудиться со шлангами. Другие получили приказ, несмотря на жар, выносить из дома все движимое имущество. Позднее газета Aftonbladet всячески восхваляла заключенных, в обычной жизни славившихся лишь хулиганством и разбоем. «Не имело места ни малейшего проявления злонамеренности, ни одной попытки к бегству или сокрытию спасенного имущества», — писал в газете владелец другого дома на острове.

К вечеру пожарным все еще не удалось совладать с огнем. Жители Стокгольма, направлявшиеся на балы и новогодние спектакли, могли наблюдать огромное алое зарево, осветившее небо. Работы по тушению пожара продолжались почти до утра, после полуночи их слегка облегчил начавшийся снегопад⁵.

На следующий день подвели печальные итоги. Здание сгорело дотла, как и расположенный рядом склад тканей. Семья Нобель лишилась большей части нажитого и всех инструментов. Три больших портфеля с подробными чертежами Иммануила Нобеля также стали добычей пламени. Среди вещей, которые удалось спасти благодаря заключенным, были только сломанный чертежный стол, двуспальная кровать, дубовый диван с обивкой и «женский комод»⁶.

К счастью, из людей никто не пострадал. Семейство Нобель как сквозь землю провалилось. Иммануил не объявился и в ближайший рабочий день, когда в полицейский участок стали вызывать очевидцев на допрос по поводу пожара. Неосторожное обращение с огнем считалось серьезным преступлением. Еще не стерлись из памяти картины пожара 1822 года, когда бóльшая часть Бласихольмена и Хельгеандсхольмена

выгорела дотла. Даже при минимальных разрушениях виновнику грозило серьезное наказание — отсидеть воскресенье в колоде или несколько дней в тюрьме.

В полицейском участке допрашивали соседей Нобеля, среди прочих — бухгалтера и строителя-подрядчика. Были вызваны также и двое-трое бакалейщиков, которые, хоть и были назначены в новогоднюю ночь бригадирами пожарной команды, не стали, однако, посылать своих людей на тушение пожара. По поводу «кондуктора (архитектора) Нобеля» полиция записала в протоколе, что оного искали, но доселе не нашли⁷.

Лишь спустя четыре дня после пожара Иммануил Нобель объявился в городе, однако не в полиции. Ему нужна была справка, и он обратился к адьюнкту пастора в церкви Марии Магдалины. Иммануилу удалось убедить адьюнкта пастора письменно заверить тот факт, что Нобель переехал на остров Ридён в западной части озера Меларен, а также то, что он «добропорядочный гражданин образцового поведения, регулярно приходящий на причастие»⁸.

Неделю спустя Иммануил Нобель подал в Городской суд на Риддархюсторгет заявление с просьбой признать его банкротом, ссылаясь на пожар в новогоднюю ночь, когда большая часть имущества погибла «в мое отсутствие и без всякой моей вины». Ровным наклонным почерком он перечислял еще несколько непредвиденных причин, в результате которых оказался неплатежеспособным. Все они связаны со строительными подрядами. Во время работ по строительству понтонного моста через Скюрусунд затонул целый ряж вместе с тремя паромами, груженными строительными материалами. Подряд на перестройку дома Петерсена у моста Мункбру также закончился финансовой катастрофой, поскольку фундамент здания оказался в плачевном состоянии и его пришлось переделывать заново.

Нобель обещал отказаться от всего «спасенного из огня» имущества, принадлежащего ему. Свои долги он оценивал примерно в 5 млн шведских крон по сегодняшним меркам, или в 11 698 риксдалеров.

22 июля 1833 года в Городском суде Иммануил Нобель предстал перед сорока семью кредиторами. В их гневных письмах собраны осколки несчастной судьбы. Там значилось невыплаченное поденное жалованье малярам, каменщикам и батракам. Прилагались списки оказанных услуг кузнеца и стекольщика, печника и жестянщика, пивовара и бакалейщика — все до последнего шиллинга. Страница за страницей акт повествовал об отпущенных в долг под честное слово товарах: печные изразцы и планки

для забора, винты и гвозди, пиво и квас, масло, селедка и салака. Черный фрак и сани. Двенадцать бутылок мадеры.

Из бумаг ясно, что в последние месяцы, предшествовавшие пожару, Нобель вынужден был брать в долг приличные суммы.

Однако самыми суровыми оказались требования недовольных заказчиков. Иммануил Нобель не сумел завершить ни строительство моста Скюрусундсбрун, ни перестройку дома Петерсена, ни ремонта, заказанного трактирщиком Анжу, который захотел перестроить свой дом на Стурторгет.

Это была катастрофа — крушение, с которым Городской суд разбирался почти год. Ситуацию немного облегчало то, что тесть Иммануила, начальник таможни Людвиг Альсель, несколько раз выступал поручителем Нобеля и затем выплачивал часть его долгов⁹. Однако положение оставалось серьезным. Жена Иммануила Андриетта вот-вот должна была родить, и семья остро нуждалась в жилье.

У Иммануила Нобеля оставались его жизненное кредо и его неиссякаемый оптимизм. К тому же ему не изменила его изобретательность. То, каким образом он выбрался тогда из затруднительного положения, решило будущее всей семьи, в том числе и еще не родившегося сына Альфреда.

* * *

Чета Нобель прекрасно осознавала, насколько рискованно рожать детей в городе, где каждый шестой новорожденный не доживал до года. Или, как позднее написал Август Стриндберг, «где черные бумажки от похоронных карамелек всегда смотрели со стен детской»¹⁰. К тому же в 1833 году власти предупреждали, что эпидемия холеры, уже несколько лет бушевавшая на континенте, всерьез угрожает Швеции и Стокгольму. В газетах ежедневно публиковались отчеты о состоянии здоровья населения столицы.

Иммануил, Андриетта и двое их сыновей обрели временное пристанище в каменном доме по адресу Норрландсгатан, 9. Дом имел три этажа и флигель, выходящий во двор, где находились столярная мастерская и несколько хозяйственных пристроек: дровяной сарай, прачечная и конюшня. Квартирки были маленькие, но в каждой имелась прихожая, изразцовая печь и кухня с плитой¹¹.

Квартал не был одним из беднейших в Стокгольме, однако и зажиточностью его жители похвастаться не могли. За углом находилась пло-

щадь Паккарторгет (ныне Норрмальмсторг) — еще одно место сброса отходов и опорожнения бочек с нечистотами. За ней простирался залив Паккарторгсвикен — так называемое «кошачье море», жуткое болото, где скапливался мусор со всего квартала и там же находили свое последнее пристанище кошки. Вода в Паккарторгсвикене была, по словам современника, «отменно плохого качества»¹².

Неудивительно, что первый случай заболевания холерой был зарегистрирован год спустя в одном из домов у Паккарторгет. Всего за несколько месяцев болезнь унесла жизни более 3500 жителей Стокгольма, где на тот момент проживало чуть больше 80 000. Первая в жизни страны эпидемия холеры стоила жизни 12 500 шведам.

Симптомы холеры были ужасающе очевидными: водянистый понос, жажда и синеватая морщинистая кожа. Однако определить причину болезни тогда никому не удавалось, и мало кто прислушивался к тем, кто бил тревогу по поводу загрязнения воды. Врачи подозревали, что какой-то яд выводит из строя нервную систему, но не могли найти его источник. В народе считалось, что вспышки холеры связаны с кроваво-красной луной и звездопадом. Лечение, которое назначали лекари, обычно сводилось к кровопусканию и пиявкам.

Понадобилось еще не менее двадцати лет, прежде чем человечество осознало роль грязной воды в распространении холеры, — только в 1883 году немецкий врач Роберт Кох доказал существование бактерий холеры. В 1905 году ему будет присуждена Нобелевская премия в области биологии и медицины.

* * *

21 октября 1833 года эпидемиологическая ситуация в Стокгольме все еще была под контролем. Холера пока не добралась до города, и сообщения прессы о заболеваниях касались в основном воспаления легких и флюсов.

Aftonbladet писала о совещании кабинета министров короля Карла XIV Юхана и о первом заседании особого комитета по «вспомоществованию производству ружей в стране». Вероятно, следует воспринимать как своего рода знак свыше, что именно в эти дни комитет провел первые пробные стрельбы пехотных винтовок новой модели. «Порох, использовавшийся при испытаниях, намеренно был выбран старый и не лучшего сорта», — подчеркивалось в газете.

В тот день акушерку Юханну Хаммарстедт вызвали к семье Нобель на Норрландсгата, 9. Юханна была вдовой и жила на юге города —